ТЕТРАДЬ

для _____

_____

учени_____ класса_____

_____школы_____

Волгоградская обл., МОУСШ №10, 11 кл.
Колпаков Всеволод Михайлович

№ 3150

52065

Вход: $10^{28} - 10^{29}$

Ал/

$12^{32} - 12^{34}$

Задание 1

47 баллов.

Удивительно качественно составленный (совместными русско-американскими усилиями) и удивительно качественно переведенный сборник лекций Владимира Набокова по русской литературе — вещь, для нашего читателя ~~~~ не ~~~~ образом интересная и почти обязательная. Казалось бы: лекции, сделанные для людей, о русской литературе, в отличие от нас имеющих довольно смутное представление (допустим, Толстого и Чехова-драматурга от знают, а вот про "Fathers and Children" by Ivan Turgenev едва ли единицам слишком много), человеком, которым всем этим просто пытался заработать на еду и комнату в отеле (сам Набоков очень радовался тому, что составил эти заметки заранее, ведь по прошествии он в к годы был почти немощен). Иными словами — много ценнейшего и именно подробности и нектар, не особенно любящий преподавать. И тем не менее.

Во-первых, сухие биографические подробности авторов и произведений Набокова, прекрасно по диалогу,

порядок слов заимствован

заглавие романа традиционно переводится как "Fathers and Sons"

а именно

пунктуация

52065

но не считающего чем-то чуждым ~~для~~ для себя, что для американских студентов, интересующихся и там, где это возможно, он старается их опускать. Русский читатель, прекрасно знающий, что Гоголь родился в Сорочинцах, все же не обречен на пространные географические объяснения. Иначе ру Набоков даже удобнее ~~пренебрегать~~ сюжет — неясно, что было в такие моменты с американскими студентами, но в России диалог по теме "Преступление и наказание" не получится.

Во-вторых, Набоков хоть и не литературовед, но просто хороший читатель (лекция о читательском искусстве входит в сборник, и размышления об этом проходят и через "Русскую литературу"). Белинского он успевает обругать первым же страницам — критик времен Никола по его мнению, слишком много думал о "пользе литературы, ~~то есть~~ для народа", то есть оказывается вариацией того же "Нико или советской цензуры. Сам Набоков разбирает именно литературу, зачастую вообще не касаясь социального контекста, — подход не обязательный

стопроцентно верный, но, во всяком случае, очень редкий и прекрасно дополняющий (или наоборот-но дополняющий) классические разборы. Что до читательских ~~[illegible]~~ чутья и внимательности, то они у автора действительно крайне значительные. Скажем, он очень точно — многое вырвав-пародия „кормі" Достоевского — нужно и делает из этого довольно громкий вывод. Или один из ~~[illegible]~~, лучших разборов, посвященный теховской повести „В овраге" — на самом деле, практически образцовый анализ.

В-третьих, Набоков — это известно — умелый писатель, поэтому книга — чтение просто довольно увлекательное. Самый захватывающий здесь, конечно, популярный разбор Достоевского (где автор делает заключение, что Достоевский — величайший голливудский сценарист, только родился не там и не тогда), балансирующий от чудовищных перегибов („Цилиндр", „Записки из подполья") до разборов „центральных произведений" („Преступление и наказание"), но хватит Набоков тоже интересно (опять сходство толстовство по „Смерть Ивана Ильича" — с оговорками).

В конце концов, это просто взгляд одного из лучших писателей века двадцатого на литературу века девятнадцатого, и здесь частая субъективность лектора делает книгу только более интересной. "Критика - один из видов автобиографии", - писал Оскар Уайльд. Набоков мог сражаться за лингвистические нувель- ки, например, рассказчиком-педофилом в романах, мог уберечь себя от читателя дате г. Других бе- гах и этнологических - принципиально - интересно, о он не делает этого в „Лекциях...". Вероятно, не может - что бы он ни говорил о преподава- нии, литературу он любил слишком сильно. С ели американским студентам он мог пока- заться лектором, рассказывающим страшно объе- ктивные вещи, то у русского читателя набалованно критикой русского читателя способов прочте- ния книги гораздо больше: это может быть первый сборник действительно толковых прак- и прекрасное дополнение к Белинскому, и - ч эстетически - шедевр исследовательского искусства дате просто наиболее честный рассказ одно из последних классиков о самом себе, его

Что такое хорошо и что такое плохо с точки зрения в школьной литературы — все же и правда самая важная, когда дело касается писателя.

K_1 5
K_2 14 = 22
K_3 3

Задание 2.

Родная независимость

+

О Блоке, скажем, так бы не написали. Блок — безусловный гений, один из сильнейших поэтов в истории, но с ним невозможно, да и не нужно разговаривать. Он просто входит в тебя что-то и остается, только душа и не очень понимая, что произошло. Нет, Блок, сколько бы он ни писал о трагичных стихах, не человек, а сразу нечто Великое, что-то не отсюда совсем. (Вы, например, есть стихотворение на смерть Блока у Набокова, так там говорится о том, как тот попал на небеса, и его встретили Пушкин, Лермонтов и Блок. Действительно, о Блоке по-другому, более трепетно, говорить как-то неудобно даже.)

Или Гумилев. Гумилев близкий, понятный, человечный. Но ведь дело все-таки не в том, все-

некорректно!

таки делал поэзию - восхитительную, но дел
И с ним тоже не поговоришь, его надо
слушать.

Про Маяковского и вспоминать не стоит.
За ним надо бежать, пытаться успеть, с н
надо делать общее дело, ему надо ревновать
не разговаривать.

Ахматова - совсем другая. Она не лучше
не гениальнее, не искуснее остальных поэто
просто она другая. С ней почему-то можно
именно говорить. С ней почему-то уютно. Ее поэ-
зия - теплая, какая-то шерстяная, даже когда
написано о совсем холодных вещах.

Жаль до отчаяния разных поэтов просто
читаются, каждый по-своему, прилагается Ахматова
к любви.

Цветаева поступает проще всего - просто
берет и прилагается. Удивительно проб Бродского
„поклон через море". Гарковский и Самойлов скорбят
о смерти так, будто потерян кто-то близкий
„Все будет не так" и „Не стало Анны Андреевн
- будто пишут об ~~родной тетушке~~ очень хорошей
подруге или родной тетушке. Да, они действитель

но ее знали, но, в общем, неважно - говорят они о человеке или все-таки о поэзии: у Ахматовой, о чем пишут все, нет здесь реальных. Наконец, Берггольц: ее стихотворение, вспоминающее поэтессу в блокадном Ленинграде, ближе всего к теме, но все же не видно ничего человек, хотя написано о поэте и о музе, хотя выведена почти Ахматова.

Ахматовой надо много признаваться в любви. Нет, любому поэту и поэзии можно признаваться, но выродки это всегда стиль Серебряного века - с Ахматовой не будто народились на равных. Опять же — Блоку странно было бы «поклоняться», как сделай это поэтессе бродячей.

Об этом пишут не все вместе, но другая частый образ Ахматовой - мученица. «Вся ваша жизнь - одна», - скажет Цветаева еще в 1915 году, задолго до блокады и расстрела Николая Гумилева и даже раньше расстрела Николая Гумилева. «Мы ее берегли от удачи», «Все сделала для катастрофы сама», — о трагической судьбе поэтессы больше всего сокрушается Самойлов, считающий что Ахматовой, еще не имевшей признания, пришлось много страдать в своей стране

О трагедиях с мужем и сыном почему-то

сначала преследование, потом расстрел Николая Гумилева

вообще не пишут – быть может, потом
сама Ахматова написала не в своем
Вообще, это хороший вопрос – куда ей быть
гением, когда она сама гений и мать
оба – трагические фигуры, в силу чего. Ей бы
ся в мир великом, безусловно, соперничая
стать второй Софией Андреевной Толстой, стра
за мир, в конце концов. А она почему-то
с ним.

Впрочем, возможно, она и не была ге
была человеком, – и растворялась – расво
ы в своих стихах. Поэтому и поэты,
о ее несчастьях, воспринимают их как
„Это было предчувствием боли".

И буквально, в смысле тем и мотив
поэзии Ахматовой пишет только Бродский
прощания и любви". Но и он тут не
пает – ведь это „Великая душа".

Цветаева называет ее стихи „безоружны
здесь не: от тем (не те „любовь и прощ
методов. И цепится „безоружный стих", но
„в сердце".

Это не хорошо ~~обычно~~ и обычная

речи — говоря об Ахматовой, не они обсуждают в первую очередь сердце, душу — именно эти ~~поэ-~~ в непонятные понятия становятся для читателя ключевыми и в ее творчестве.

Что до стихотворения, которым можно было бы дополнить это маленькое собрание — это, к примеру, „Незнакомка" Блока. Оно, конечно, не имеет ничего общего с Ахматовой, но вполне идея — спокойная провинциальная красота, что все пять поэтов и видели в образе Ахматовой. Одно меткое, такая близкая всем поэтесса не могла бы быть „незнакомкой".

К1 3+3+4 =10

К2 3

К3 4 =25

К4 3

К5 3

К6 2

В первом задании радует небанальный выбор автора и его точное, подробное, взвешенное обоснование. Однако впечатление от работы портит тяжелый, пута-

ной, непроходимой синтаксис. Автору хочется посоветовать помнить, что письменное высказывание строится по иным законам, чем устное.

2. Несколько затянуто, хотя интересно вступление – длинный разбег, после которого ожидаешь долгого полета мысли. Однако автор лишь легко и довольно субъективно пробегает по предложенным ~~им~~ текстам, ограничиваясь короткими и случайными наблюдениями, хотя они бывают меткими и ~~интересными~~ неожиданными. ~~Название~~ Название и ~~не~~ образ Неприколеки – красивый ход, хотя и не точное воплощение задания. Однако в целом это скорее субъективные эмоциональные заметки; анализу не хватает глубины.

Т.В. Рябова
И.В. Кузнецова